

***Миноритарные языки
аваро-андо-цезского региона:
особенности функционирования и
перспективы развития¹***

Атаев Б.М.

В статье рассматриваются необходимые условия для выживания языков малочисленных этносов аваро-андо-цезского региона Дагестана с разным социальным статусом и перспективы их сосуществования с языками более многочисленных народов. Исследуются проблемы, связанные с языковой политикой, приводится статистический обзор переписей разных лет, анализируются причины происходящего процесса исчезновения бесписьменных языков и обсуждаются условия, при которых возможно их сохранение.

Ключевые слова: малочисленные языки аваро-андо-цезского региона, статистический обзор, языковая политика, сохранение и развитие бесписьменных языков

This article examines the conditions that are necessary for minority indigenous languages of various social statuses in the Avar-Andi-Tsez region of Daghestan to survive and continue to co-exist with larger languages. Issues explored in the article include language policy, a statistical overview of censuses taken in various years, the causes of the disappearance of unwritten languages, and the conditions under which they may be preserved.

Key words: indigenous languages of the Avar-Andi-Tsez region, statistical overview, language policy, conservation and development of unwritten languages

---

¹ Выполнено в рамках проекта РГНФ, № 14-04-00011а

1. Статистический обзор и особенности функционирования

Из представленных на территории Дагестана двадцати миноритарных языков большая часть относится к языкам аваро-андо-цезского ареала — это андийский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, тиндинский, хваршинский, цезский, чамалинский; исключение составляет арчинский язык, относящийся к лезгинской группе. Отличительной особенностью данного ареала от других регионов Дагестана является то, что здесь «в обычной для российской национальной школы дихотомии “родной язык — русский язык” место родного языка занимает аварский» [Алексеев 2013: 20].

Оценивая состояние языков бесписьменных народов Дагестана, М.Е. Алексеев отмечает, что «языковые коллективы, проживающие компактно и относительно замкнуто, менее подвержены процессам перехода на другие языки, в то время как активное иноязычное окружение заметно ускоряет эти процессы» [Алексеев 1992: 17]. Ссылаясь на наблюдения последних лет, автор отмечает пагубное влияние переселения и миграционных процессов, подчеркивая, что с отрывом от традиционной среды существования фактически утрачивается одна из важнейших функций языка — моделирование специфической для данного языка картины мира. Эти факторы способствуют ускорению процессов утраты родного языка. Данные обстоятельства уже сами по себе со всей неизбежностью вызывают большой научный и общественный интерес к вопросам численности и удельного веса каждого дагестанского этноса, а также определению количества владеющих своим национальным языком.

В настоящее время, используя современные технические средства, число носителей различных языков можно сосчитать более или менее точно, т. е. максимально приближаясь к объективности. Однако эти данные в некоторых случаях также могут быть относительными, так как социальные и полити-

ческие интересы иногда могут сыграть свою роль и привести к ложным ответам. К примеру, «если информатор владеет двумя языками, причем один является государственным и считается более престижным, а другой — менее престижным, он может признать, что говорит лишь на первом, престижном языке, хотя его родным языком является второй — менее престижный, чтобы “завоевать” симпатию элитного государственного языка» [Атаев 2012: 7]. Это наглядно было продемонстрировано во время Всероссийской переписи населения 2010 г., в частности в Дагестане [Национальный состав... 2012].

Многие официальные данные по миноритарным языкам и количеству их носителей не соответствуют реальным цифрам, которыми оперируют как официальные органы, так и лингвисты. По языковым данным, например, количество багвалинцев оценивалось в пределах 4 тыс. человек. Поэтому зафиксированное в переписи 2010 г. [Национальный состав... 2012] количество багвалинцев в Российской Федерации — 57 человек — отражает не реальное количество их носителей, а является отрицательным ответом такого количества багвалинцев на политический вопрос «считаете ли вы себя аварцами?». Такое же положение наблюдается и в ответах носителей многих других миноритарных языков Дагестана. Мы полагаем, что определение истинного количества носителей миноритарных языков Дагестана нужно осуществлять силами лингвистов, разграничивая политические и научные аспекты.

В современной этно- и социолингвистике принято квалифицировать населяющие страну народы по количественному признаку — числу людей, говорящих на том или ином языке. Так, согласно этому условному принципу, в составе народов России значатся этносы, так сказать, «многочисленные», насчитывающие свыше миллиона представителей, «среднечисленные», количество которых колеблется от нескольких сотен тысяч до 50 тыс., и «малочисленные», так называемые миноритарные этносы, численность которых нисходит от 50 тыс. до 600 человек.

Как свидетельствуют официальные данные, «миноритарные этносы в России составляют 63 этнические единицы и, оказавшись в зоне этнического бедствия, образуют объект приоритетной этнолингвоэкологической защиты» [Языки народов России... 2002]. Численность каждого из них не превышает 50 тыс. человек: например, андийцев насчитывается около 25 тыс., гинухцев — всего 700 человек. До недавнего времени языки многих малочисленных народов вообще не упоминались в переписях населения, например арчинский, гинухский, гунзибский, годоберинский, тиндинский. Кроме того, следует учитывать, что укоренившиеся в сознании дагестанцев политические традиции, получившие свое отражение в Конституции Республики Дагестан 1994 г., предусматривают обязательный учет пропорционального представительства народов Дагестана в органах государственной власти и в руководстве наиболее значимых организаций и учреждений республики. Таким образом, этническая принадлежность индивида, численность того или иного этноса, пропорции их реального представительства в структурах власти и прочие «этнические признаки» бытия дагестанского общества приобретают в Дагестане очень важное общественно-политическое значение.

Поскольку все указанные параметры определяются путем проведения государственных переписей населения, как правящая элита, так и широкие слои республиканской общественности проявляют повышенное внимание к этому мероприятию и заинтересованны в его результатах. Эта заинтересованность проявляет себя в обоих компонентах, определяющих итоги переписи: во-первых, в «предложении», т. е. в структурах этнической и языковой номенклатуры, которую закладывают в основной инструментальный переписи, во-вторых, в «спросе», т. е. в этнических установках и мотивациях населения, которые определяют выбор ответов на предложенные в переписных листах вопросы.

Нет сомнения в том, что идеологические установки организаторов советских переписей оказали прямое воздействие

на те «тенденции этнических процессов», которые были затем выявлены в Дагестане в ходе их анализа. Есть также серьезные основания предполагать, что вполне оправданный политический интерес власти к «национальному вопросу» способствовал «обострению» общественного внимания к нему, а это, в свою очередь, оказало обратное воздействие на то, что в «национальном вопросе» стало приниматься властью в качестве политически значимого.

Обратимся к истории. Так, в 1873 г. по статистическим данным начальника штаба Дагестанской области, андийцев насчитывалось 5693 человека, ботлихцев — 1102, каратинцев — 4952, ахвахцев — 2464, багвалинцев — 1989, тиндинцев — 2515, чамалинцев — 2418, хваршинцев — 1094, цезов — 4010, бежтинцев — 1707 человек. По сведениям А.В. Комарова, «все население, принадлежащее к аварским племенам в пределах одного только Дагестана, живет в 346 селениях и отселках, состоит из 25977 дворов и 96420 душ, что составляет в общем населении Дагестанской области 21,63 %» [Комаров 1873]. Эти данные сильно разнятся с цифрами, приводимыми в «Материалах посемейной переписи 1886 года» [Свод статистических данных... 1893], где указаны следующие цифры (табл. 1)²:

Таблица 1

Народы	Число дымов ³	Мужчин	Женщин	Всего	В % ко всему населению
андийцы	1964	3800	3775	7575	1,27
ахвахцы	838	1743	1842	3585	0,61
багулалы	398	732	742	1474	0,25
ботлихцы	345	676	707	1383	0,24

² В этом перечне отсутствуют гинухцы, которые были отнесены тогда к бежтинцам (около 250 чел.).

³ Здесь *дым* — крестьянский двор, хозяйство.

Народы	Число дымов	Мужчин	Женщин	Всего	В % ко всему населению
годоберинцы	203	420	467	887	0,15
каратинцы	1897	3616	3601	7217	1,22
тиндинцы	774	1618	1644	3262	0,55
чамалалыцы	1024	2000	1889	3889	0,66
гунзебцы	171	423	370	793	0,13
дидойцы (цезы)	1124	2507	2337	4844	0,82
капучинцы (бежтинцы)	484	1190	1140	2330	0,39
хваршинцы	338	728	678	1406	0,2
арчинцы	203	389	415	804	0,14
Всего	38768	79766	79394	159160	

По переписи населения 1926 г. [Всесоюзная перепись населения... 1926] показатели следующие: андийцев в Дагестане было — в 10 сельсоветах 7953 (9,6)⁴, ботлихцев — в 23 сельсоветах 3379 (4,1), годоберинцев — в 2 сельсоветах 1512 (1,9), каратинцев — в 5 сельсоветах 5391 (6,7), ахвахцев — в 7 сельсоветах 3720 (4,7), багвалинцев — в 5 сельсоветах 3301 (4,9), тиндинцев — в 5 сельсоветах 4095 (5,8), чамалинцев — в 5 сельсоветах 4028 (5,7), цезов — в 8 сельсоветах 3333 (5,8), хваршинцев — в 3 сельсоветах 1168 (2,0), гунзибцев — в 1 сельсовете 203 (0,4), бежтинцев — в 2 сельсоветах 2549 чел. (2,8), включая отнесенных переписью 1926 г. к бежтинцам гинухцев (по данным 1944 г. — 1 сельсовет, 244 жителя). По этим же данным, всего андо-цезов насчитывалось 40632 человека, проживавших на тот период в 207 аулах.

Приведенные выше цифры многое говорят о численном составе населения Дагестана в разные периоды. В то же

⁴ В скобках приведены для сравнения данные 1938 г. — в тысячах человек.

время нельзя забывать, что статистические приемы переписей тех времен были довольно несовершенны и к этим данным следует относиться весьма осторожно. Не с меньшей долей осторожности следует воспринимать и некоторые цифры Всероссийской переписи населения РФ 2002 г. Во всяком случае, вызывает сомнения достоверность сведений о владении русским языком отдельными дагестанскими этносами. Например, с трудом верится, что все назвавшиеся багулалами, ботлихцами, годоберинцами и чамалалами, поголовно, на все 100 % владеют русским языком. Удивляет, что такого абсолютного показателя в РФ по владению русским языком нет ни у собственно аварцев (85,9 %), ни у даргинцев (88,2 %), ни у кумыков (90,9 %), ни у лезгин (90,3 %), ни у лакцев (93,8 %). Даже этнические русские указывают, что родным, русским, языком владеет только лишь 99,8 % своего населения.

В связи с этим возникают еще вопросы: почему лишь 64,1 % гунзибцев знает русский язык, тогда как на нем свободно говорят якобы все 100 % их соседей — чамалинцев? Какие же отличительные особенности должны были повлиять на два близких соседних этноса, чтобы так резко отличались эти показатели? Почему показатели по владению русским языком у некоторых этносов в сельской местности выше, чем у их сородичей, проживающих в городах? Есть серьезные сомнения и в достоверности некоторых других цифр. Например, с трудом верится, что в городе Москве проживает всего лишь 4950 аварца и 179 человек из них не владеет русским языком [Национальный состав... 2004: 43].

На наш взгляд, структуры, готовившие рекомендации для разработки материалов Всероссийской переписи населения РФ 2002 г., не до конца разобрались в современных этнополитических процессах, происходящих в Дагестане в меняющуюся постсоветскую эпоху. Некоторые сложности в подсчеты итогов Всероссийской переписи населения 2002 г. внесло и то обстоятельство, что при проведении данного мероприятия,

впервые национальная принадлежность записывалась строго со слов опрашиваемых по их самоопределению⁵.

Безусловно, немаловажное значение имели и административный ресурс отдельного района, и позиция, занятая некоторыми представителями элит так называемых «малых народностей» Дагестана, и интерпретация терминов переписного листа переписчиками, которые оказались далеко не всегда функционально грамотными.

Вообще, специалисты, профессионально занимающиеся этнодемографическими проблемами, мало доверяют официальной статистике как советских, так и российских переписей. В частности, по вопросам многоязычия в Дагестане, по данным переписей населения невозможно получить достоверные факты по вопросам многоязычия в Дагестане, так как в переписных листах просто отсутствовала графа по владению несколькими языками. Поэтому факт владения двумя и более языками (например, в андо-цезском ареале) официальные переписи просто игнорировали⁶. А определение «родного» и «неродного» языка для опрашиваемого зачастую

⁵ В материалах Всероссийской переписи населения 2002 г. специально оговаривается, что «данные о национальном составе населения получены на основе ответов на вопрос 7 переписных листов ... В соответствии со статьей 26 Конституции Российской Федерации национальность записывалась со слов опрашиваемых по их самоопределению. Национальную принадлежность детей определяли родители. В приложении приведен Перечень встретившихся в переписных листах вариантов самоопределения населения по вопросу «Ваша национальная принадлежность» [Национальный состав... 2004: 929].

⁶ При переписи населения 2002 г. впервые была получена информация от всего населения о владении русским языком, который в соответствии с Конституцией Российской Федерации является государственным языком страны. Кроме того, каждый человек мог указать владение еще тремя языками. Лица, владеющие четырьмя и более языками (кроме русского), могли указать любые три из них по своему выбору [Национальный состав... 2004: 930].

оставлялось на усмотрение переписчика. Поэтому многие респонденты не смогли определиться с выбором «родного» для них языка. Многие представители андо-цезских этносов в качестве родного языка называли аварский язык (которым до школы они практически не владеют), но не действительно свой родной язык. В этом отношении данные переписей населения мало что дают для профессионалов, занимающихся этнодемографическими проблемами: здесь официальная статистика оказывается ненадежной. Исследователю важно уметь интерпретировать публикуемые данные в этой области. Для серьезного специалиста необходимо точно знать временную и территориальную привязку публикуемых цифр и умение пользоваться другими статистическими данными, в частности записями «похозяйственных книг» в районах проживания малочисленных этносов.

Напомним, что с 1938 г. все андо-цезские этносы и арчинцы были названы аварцами и им были выданы новые паспорта, в которых в графе «национальность» все они были обозначены аварцами. С тех пор, начиная с 1939 г., все Всесоюзные переписи населения причисляли андо-цезов и арчинцев к аварцам.

Приведем весьма любопытные данные Всероссийской переписи населения 2002 г. по андо-цезским этносам и арчинцам о численности лиц, владеющих своими языками и указавших свою национальную принадлежность (по Российской Федерации) [Национальный состав... 2004]:

Таблица 2

Указавшие язык	Численность лиц, владеющих данным языком	Указавшие национальность	%
андийский	23729	21808	91,9
арчинский	524	89	16,9
ахвахский	5793	6376	110,0
багулальский	57	40	70,8
бежтинский	6461	6198	95,9
ботлихский	90	16	17,7

Указавшие язык	Численность лиц, владеющих данным языком	Указавшие национальность	%
гинухский	548	531	96,9
годоберинский	103	39	37,8
гунзибский	1839	998	54,2
каратинский	6574	6052	92,0
тиндальский	616	44	7,1
хваршинский	1872	128	6,8
цезский	15356	15256	99,3
чамалинский	2355	12	0,5

Из таблицы 2 (по андо-цезским этносам и арчинцам) наглядно видно, какова разница между количеством владеющих своим языком и назвавших себя представителями отдельной национальности. По ней, например, любопытно узнать, что назвавшихся ахвахцами значительно больше, чем число владеющих своим родным ахвахским языком (110,0 %); а именно 583 ахвахца (помимо владеющих своим языком 5793 человек), не владеющие ахвахским языком, называют себя собственно ахвахцами, а не аварцами. С другой стороны, только лишь 0,5 % владеющих чамалинским языком назвали себя чамалинцами; а именно из 2355 чамалинцев 12 человек записались как чамалинцы, а остальные (2343 чел.) назвали в переписных листах аварцами. Из материалов Всероссийской переписи населения 2002 г. также видно, что свыше 90 % цезов (дидойцев), гинухцев, бежтинцев, каратинцев и андийцев назвались как представители отдельных этносов (по названию языка), а более 90 % чамалинцев, хваршин и тиндинцев называют себя аварцами. По остальным этносам цифры колеблются от 16,9 % (арчинцы) до 70,8 % (багулалы), что также видно из таблицы 2.

Несмотря на то что более полувека в публикуемых материалах переписей малые группы не появлялись, сохранялись их культурная отличительность и достаточно четкая этническая идентификация, которая все же отражалась во время переписей

при ответах на вопрос о национальной принадлежности. Не имея возможности указывать составную (двойную) национальность (этого не допускала ни теория, ни процедурная практика с ее единичной графой для ответа на вопрос), часть представителей малых этносов указывала аварскую или даргинскую национальность, а другая часть — свою «первичную» национальность, т. е. принадлежность к малому этносу. Таким образом, полной ассимиляции или растворения одной формы идентичности в другой не происходило. Так, в переписи 1989 г. указали себя отдельно от «больших наций» следующие носители «малых идентичностей», проживающих в Дагестане: чеченцы-аккинцы (16131 чел.), андийцы (4563 чел.), ахвахцы (200 чел.), годоберинцы (6 чел.), каратинцы (16 чел.), кубачинцы (8 чел.), хваршины (6 чел.), чамалалы (20 чел.). Помимо этого, в других регионах страны были зафиксированы 8 кубачинцев (в Дагестане ни одного!) и один арчинец. Почти все они указали в качестве родного языка не язык «основной нации», а своего этноса: 11112 аккинцев указали аккинский и 4387 — чеченский, 4561 андийцев — андийский и 2 — аварский, все ахвахцы и годоберинцы указали родным соответственно ахвахский и годоберинский языки, каратинцы поделились пополам между каратинским и аварским, 18 чамалалов указали чамалальский и 2 — аварский.

Все эти данные были опубликованы не в официальных материалах переписи, а в дополнительной брошюре [Итоги переписи населения... 1990] тиражом 400 экз., доступной только узкому кругу специалистов. Не менее интересными были дополнительные данные переписи 1989 г. по родному языку: андийский в качестве родного языка указали 12029 чел. (т. е. почти в три раза больше назвавшихся андийцами!), появились люди с родным ботлихским (1 чел.) и дидойским (2 чел.) языками [Итоги переписи населения... 1990]. Все это говорит о том, что, несмотря на жесткие установки не записывать и не показывать некоторые группы в ходе переписи, носители малочисленных языков все же указывали

их в переписи и попадали в дальнейшие материалы, хотя и не подвергались основной «разработке», т. е. публикации в официальных данных.

Многие цифры по некоторым «нестатусным» этносам также оказались сильно искаженными. Если верить переписи, то одна этническая группа — ботлихцы — вообще исчезла из числа регистрируемых. Ни один из опрошенных не назвал себя этим этнонимом. Между тем перепись зарегистрировала знание ботлихского языка у 54 опрошенных. Разумеется, действительное знание этого языка существенно выше, так как в одном только селе Ботлих проживает не менее 2,5 тыс. жителей.

Сопоставление данных о «национальности» и знании одноименного языка позволяет в некоторой степени, но далеко не полно, представить степень искажения реальной картины, полученной в ходе переписи. Так, к самой крупной группе в составе аварцев — андийцам — отнесли себя 21270 чел., знающих же андийский язык — 23039 чел. Здесь, как видим, не оказалось существенного расхождения данных, но и они показывают, во-первых, что около 2 тыс. знающих язык не назвали себя «андийцами» по национальности. Во-вторых, по данным экспертов, в действительности численность андийцев в Дагестане составляет около 40 тыс. (см. табл. 3).

Как правило, экспертные оценки значительно превышают данные переписи. Однако так получается не всегда. Например, по сведениям дагестанских этнографов, численность дидойцев (цезов) составляет сейчас около 8 тыс. чел. [Народы Дагестана 2002: 263], однако данные переписи показали, что только назвавших себя «по национальности» дидойцами оказалось более 15 тыс., а знающих одноименный язык — на несколько десятков больше. Перепись 2002 г. практически не зафиксировала кайтагцев (4 чел.), чамалалов (3), багулалов (18), годоберинцев (2), арчинцев (7), тиндалов (33). Численность кубачинцев (в джамаате всемирно известных златокузнецов — Кубачи — проживает свыше 2 тыс. чел.), по данным переписи, составляет всего 57 человек [Национальный состав... 2004].

Численность национальностей в Дагестане (перепись 2002 г. и оценка):

Таблица 3

Этническая группа	Численность, чел.	Число влад. языком	Оценка (по книге «Народы Дагестана»)
Аварцы	758438	741812	
андийцы	21270	23039	около 40000.
арчинцы	7	125	1200
ахвахцы	6362	5740	более 6000
багулалы	18	30	более 5000
бежтинцы	6184	6413	6500
ботлихцы	-	54	4500
гинухцы	525	522	менее 1000
годоберинцы	2	20	около 4000
гунзибцы	972	1813	около 800
дидойцы (цезы)	15176	15259	около 8000
каратинцы	6019	6528	около 7500
тиндалы	33	579	около 10000
хваршины	107	538	2500
чамалалы	3	354	около 10000
Даргинцы	425526	429347	
кайтаги	4	–	нет оценки
кубачинцы	57	–	2300

В заключение приведем таблицу, показывающую динамику изменения национального состава населения Дагестана по материалам переписей населения 2002 и 2010 гг:

Таблица 4

Народ	в 2002 г.	%	в 2010 г.	%
Всего	2576531	100,0	2910249	100,00
Аварцы	758438	29,4	850011	29,21
1. Аварцы собственно	701760	27,2	801827	27,55
2. Андо-цезские этносы	56671	2,2	48178	1,66

Народ	в 2002 г.	%	в 2010 г.	%
2. а) Андийские этносы:	33707	1,3	28716	0,99
Андийцы	21270	0,8	11448	0,39
Ахвахцы	6362	0,2	7923	0,27
Каратинцы	6019	0,2	4761	0,16
Тиндинцы (тиндалы)	33	0,0	634	0,02
Багулалы	18	0,0	0	0,00
Чамалинцы (чамалалы)	3	0,0	16	0,00
Годоберинцы	2	0,0	426	0,01
Ботлихцы	0	0,0	3508	0,12
2. б) Цезские этносы:	22964	0,9	19462	0,67
Дидойцы (цезы)	15176	0,6	11623	0,40
Бejтинцы	6184	0,2	5956	0,20
Гунзибцы	972	0,0	918	0,03
Гинухцы	525	0,0	439	0,02
Хваршины	107	0,0	526	0,02
3. Арчинцы	7	0,0	6	0,00
Даргинцы	425526	16,5	490384	16,85
1. Даргинцы собственно	425465	16,5	490279	16,85
Кубачинцы	57	0,0	101	0,00
Кайтагцы	4	0,0	4	0,00

Из приведенной выше таблицы видно, что численность ряда этносов по данным переписей населения может не совпадать с другими оценками их численности, в особенности, «малых народов», включённых переписью в состав аварцев и даргинцев. Так, например, оценочная численность андийцев достигает 30000 чел. (вместо 21270 чел. по переписи 2002 в Дагестане), цезов (дидойцев) — 27000 чел. (вместо 15176 чел. по переписи в Дагестане), кайтагцев — 20000 чел. (вместо 4 чел.), чамалинцев — от 4000 до 17200 чел. (вместо 3 чел. в Дагестане), хваршинов — от 1000 до 12000 чел. (вместо 107 чел.), бejтинцев — 12000 чел. (вместо 6198 чел.), багулалов — 10000 чел. (вместо 18 чел.), годоберинцев — 8000 чел. (вместо 2 чел.), кубачинцев — 7000 чел. (вместо 57 чел.),

ботлихцев — 6000 чел. (вместо нуля в Дагестане по переписи), тиндинцев — 4000–6500 чел. (вместо 33 чел.), арчинцев — 5000 чел. (вместо 7 чел.), гунзибцев — 4700 чел. (вместо 972 чел.), гинухцев — от 1000 до 4000 чел. (вместо 525 чел.).

2. Закон о языках и перспективы развития

В последнее время все чаще дискутируется вопрос о статусе так называемых «малых этносов». Для решения проблемы языков малочисленных этносов Дагестана, на наш взгляд, следует исходить из Конституции Республики Дагестан, статья 31 которой (Глава 2. «Основы правового статуса человека и гражданина») гласит: «Каждый вправе свободно определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не должен быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. Оскорбление национального достоинства преследуется по закону. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [Конституция Республики Дагестан 2003].

По нашему убеждению, в Дагестане необходимо сохранить положительный опыт этнической консолидации, с одной стороны, и проводить последовательную этноязыковую политику, с другой. В частности, следовало бы подумать о создании для малочисленных андо-цезских этносов и арчинцев своего варианта учебника аварского языка для начальных классов, адаптированного к их родным языкам. Создание такого рода пособий стало бы важным фактором сохранения языка, самобытной региональной культуры и фольклора, укрепления самосознания и осознания той роли, которую они органично занимают в составе аварского народа и в родственном кругу других народов Дагестана. Во всяком случае, для дагестанских языковедов в этом отношении открывается блестящая перспектива.

Для сохранения миноритарных языков андо-цезской группы многое делается в Институте языка, литературы и искусства

Дагестанского научного центра РАН. На сегодняшний день уже изданы практически все национально-русские словари, изданы грамматические очерки по всем языкам этой группы и фольклорные тексты на некоторых из них. Кроме того, в республике в виде отдельных приложений к республиканской газете «*ХIакъикъат*» издавались материалы на их родных языках (например, газета «*Бахарган*» на андийском языке). В некоторых районах и городах республики издаются газеты общественных организаций, призванные содействовать изучению истории, языка, культуры и экономического развития представителей этих этносов. Спорадически издается газета «*Андийцы*» – орган общественной организации одноименного землячества, где материалы публикуются и на андийском языке с использованием существующих знаков аварского алфавита. С 1993 г. выходит в свет газета «*Дидойские вести*» — и здесь некоторые материалы публикуются на цезском (дидойском) языке. Издаются отдельные сборники стихов на этом языке, так как близость звукового состава аварского, андо-цезских языков и арчинского способствует стихийному использованию носителями этих языков аварской графики для письма на родном языке. Здесь лишь требуется решение отдельных вопросов, например, в связи с изображением назализованных, встречающихся как в андийских, так и в цезских языках, или же фарингализованных, имеющих в цезских языках.

Рано или поздно, но обязательно возникнет вопрос о практическом внедрении письменности для андо-цезских этносов и на официальном уровне. На наш взгляд, нельзя противиться тому факту, что названные этносы, имеющие каждый свой обособленный язык, стараются писать и пишут на родном языке, используя при этом знаки аварского алфавита. Во всяком случае, положение дел в этом отношении у названных выше языков обстоит не хуже, чем у «официально» объявленных в 1990 г. «новописьменными» агульского, рутульского и цахурского языков: к тому времени в Дагестане рутульцев насчитывалось около 15 тыс. человек,

агульцев — около 13 тыс., а цахуров в РСФСР — 6,5 тыс. человек [Всероссийская перепись населения... 1991: 128]. Для сравнения, только одних андийцев «по оценочным данным, к 2001 г. в Дагестане насчитывалось около 40 тыс.» [Народы Дагестана 2002: 148].

В этом случае, на наш взгляд, надо строго следовать Закону «О языках народов РСФСР» (принят 25.10.1991 г., новая редакция — 24.07.1998 г.) статья 10, пункт 4 которой гласит: «Каждый народ... не имеющий своей письменности, обладает правом создавать письменность на родном языке. Государство обеспечивает для этого необходимые условия» [Закон РСФСР 1991, Федеральный закон... 1998]. Законом «О языках народов Российской Федерации» установлена прямая ответственность высших органов федеральной власти за создание условий по сохранению и развитию языков малочисленных народов и этносов, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований.

По нашему убеждению, представителям андо-цезских этносов не стоит ждать от властей официального предоставления письменности для своих языков, а по мере имеющихся возможностей, с привлечением специалистов и на основе аварского алфавита им необходимо постараться максимально зафиксировать свою речь, чтобы избежать полной утраты родного языка. Тем более, что создание письменности для андо-цезских этносов не представляет сегодня теоретической проблемы, а переносится только лишь в плоскость решения сугубо практических вопросов.

По-видимому, наиболее приемлемым путем для создания письменности можно считать принятие соответствующего решения либо на основе всенародного голосования, либо через выборные органы. В любом случае такое решение должно опираться на взвешенную позицию, учитывающую как позитивные, так и негативные (если таковые имеются) последствия принятого решения. Как отмечает М.Е. Алексеев, «носители бесписьменных языков не всегда четко

представляют себе, какие реальные мероприятия обозначаются понятием “введение письменности” и, соответственно, какие реальные социально-культурные последствия могут в связи с этим ожидаться» [Алексеев 1995: 7–8].

Следует заметить, что арчинский и андо-цезские языки в настоящее время сохраняют неплохие перспективы к сохранению и дальнейшему функционированию: достаточно указать в связи с этим лишь на один показатель — все дети дошкольного возраста здесь владеют практически лишь родным языком, приобщаясь к двуязычию только со школьных лет. Однако это не значит, что рассматриваемые языки не нуждаются в специальных мерах по сохранению и развитию со стороны государства.

Конечно, одним принятием законодательных актов не решить проблемы утраты языка. Сохранить родной язык, на наш взгляд, поможет не создание письменности, не преподавание национальных языков в школах, а сохранение языковой среды носителей конкретных языков. Пока они будут компактно проживать на определенной территории, проблема полной, абсолютной утраты родного языка в ближайшие годы им не грозит. Перед ними будут стоять проблемы сужения выполняемых родным языком функций, проблемы массированного проникновения иноязычной лексики, уменьшения числа владеющих, но не полная утрата языка. Это произойдет только тогда, когда носители национальных языков, все вместе, переселятся в районы с иноязычной средой и дисперсно расселятся в ней, т. е. будет нарушено их компактное проживание. Тогда утраты языка, конечно, не миновать.

По нашему мнению, поскольку в Республике Дагестан сложилась уникальная ситуация, для создания реальных условий для самобытного развития миноритарных языков следует принять не противоречащий федеральному республиканский закон, а такой «Закон о языках Республики Дагестан», который в полной мере учитывал бы всю этноязыковую

специфику Дагестана. В этом документе должен быть четко определен статус каждого языка во избежание всякого рода спекуляций на эту тему.

Одновременно с этим необходимо принять и глубоко продуманную целевую государственную программу по сохранению, развитию и функционированию языков Дагестана. В свое время нами был подготовлен проект государственной программы «Развитие и функционирование языков Дагестана» [Атаев 1997]. В программе по сохранению и развитию языков Дагестана, по нашему мнению, помимо прочего, должно быть предусмотрено:

- системное изучение языковой ситуации в Дагестане; поддержание национальных языков Дагестана; их сохранение, возрождение и развитие;

- поддержка национально-культурных и культурно-просветительских объединений, ставящих своей целью изучение и распространение родного языка;

- разработка мероприятий по подготовке кадров и совершенствованию системы народного образования на языках Дагестана;

- просветительская деятельность, в т. ч. написание учебников, учебных пособий, хрестоматий, справочников по культуре родной речи;

- поддержка различных средств массовой информации, радио-, теле- и кинокомпаний, осуществляющих вещание и создание фильмов на языках Дагестана;

- содействие изданию художественной, публицистической, научной, учебной и другой литературы на родных языках;

- публикация лингвистических энциклопедий, фольклорных текстов и памятников словесности;

- научное исследование миноритарных дагестанских языков, их истории и современного состояния, процессов взаимодействия между этнокультурными и языковыми общностями, межкультурного и межъязыкового общения, характера двуязычия и многоязычия;

— максимальное распространение двуязычия как важнейшего фактора, позволяющего организовать совместное существование полинационального населения и т. д.⁷

Литература

Алексеев М. Е. Языки малочисленных народов СССР: современное состояние и перспективы // Проблемы языкознания в СССР: 1987–1999 гг. Москва, 1992.

Алексеев М.Е. Факторы этноязыковой идентификации (на материале андо-цезских языков) // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции. Москва, 13–15 декабря 1995 г. Москва, 1995. С. 7–8.

Алексеев М.Е. Закон о языках народов РФ и языки малочисленных народов (андо-цезский ареал) // Родной язык: лингвистический журнал. 2013, № 1. С. 18–26.

Атаев Б.М. Развитие и функционирование языков народов Дагестана / Концепция гос. программы: Проект // Молодежь Дагестана. 1997, 18 апр.

Атаев Б.М. Миноритарные языки Дагестана: состояние и перспективы. Махачкала, 2012.

Источники

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Северо-Кавказский край. Ростов-на-Дону, 1926.

Всесоюзная перепись населения 1989 г. по Дагестанской АССР. Москва, 1991.

Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 50. Итоги переписи населения по Республике Дагестан. Махачкала, 1990.

Конституция Республики Дагестан. Махачкала, 2003.

Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Кн. VIII. Тифлис, 1873.

⁷ Полностью текст программы см. в публикации [Атаев 1997].

Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

Народы Дагестана. М., 2002.

Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. Т. 4. Кн. 1–2. Официальное издание. Москва, 2004.

Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Москва, 2012.

Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлечённых из посемейных списков 1886 года, г. Тифлис, 1893.

Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон “О языках народов РСФСР”», принят 24.07.1998.

Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. Москва, 2002.

Атаев Борис Махачевич
Институт ЯЛИ ДНЦ РАН
bm_ataev@mail.ru